

В. И. Стеллецкому представляется неестественным и художественно неубедительным, чтобы вслед за упоминанием о полках Игоря сейчас же шло обращение к Бояну с призывом воспеть эти полки. Естественно было, по его мнению, обратиться к Бояну с таким призывом только после того, как охарактеризован главный герой «Слова» — Игорь, сказано о его рыцарской доблести, о предпочтении им быть убитым, чем плененным, о его желании либо сложить свою голову, либо напиться шеломом Дона. Но что можно сказать по поводу этих соображений В. И. Стеллецкого, насквозь проникнутых собственными вкусовыми представлениями, как и некоторые другие соображения, высказанные им в его статье? Лишь то, что сам В. И. Стеллецкий поступил бы в данном случае именно так, как это читается в мусин-пушкинской рукописи «Слова», что автор «Слова» должен был бы придерживаться той же художественной системы, какая В. И. Стеллецкому представляется единственно приемлемой. А почему, спрашивается, автор «Слова» не мог обратиться к Бояну с предложением воспеть игоревы полки после того, как об Игоре уже было сказано, что он напряг ум крепостью своей и изострил сердце свое мужеством и, наполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую? Разве этот очень сочувственный отзыв автора об Игоре — не достаточный повод для того, чтобы призвать Бояна воспеть Игоря и его полки? Мной уже было указано, что при перестановке получается прямая словесная связь между двумя соседними предложениями: «Наведе своя храбрыя плъки на землю Половецкую за землю Русскую» и «О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ушекоталь...», чего не получается, если мы отвергнем перестановку. В. И. Стеллецкий пытается оспорить эту связь, полагая, что в первом случае под полками разумеются ратники Игоря, а во втором — не только ратники, но и поход их, что тут мы имеем дело не с простым повторением одного и того же слова, а с насыщением этого слова большим, глубоким, расширенным содержанием. Но ведь все это — сплошь гадательные домыслы, которые никак не подкрепляются текстом «Слова».

В. И. Стеллецкому представляется, что если бы обращение к Бояну находилось вслед за обещанием начать повесть от старого Владимира до нынешнего Игоря, то оно носило бы «чисто риторический характер», являлось бы «каким-то риторическим украшением». «А мы знаем, — пишет В. И. Стеллецкий, — что „Слову о полку Игореве“ не свойственны риторические прикрасы, все в нем насыщено глубоким содержанием». Вот как раз в такого рода юбилейной похвале «Слову» присутствует больше риторики, чем ее окажется в том случае, если принять перестановку абзаца с обращением к Бояну. А потом — чужда ли действительно «Слову» риторика? Риторика ведь бывает разная — и легковесная, трескучая, и высокая, волнующая, художественно оправданная, обнаруживающая большое словесное мастерство. Такая риторика присуща многим выдающимся произведениям мировой литературы, не только древней, но и новой. Не чуждалось ее и «Слово о полку Игореве».

В начале своей статьи В. И. Стеллецкий, как сказано выше, говорит о двух из трех необъяснимых «случайностей», которые нужно было бы допустить при условии, если мы примем перестановку, предложенную Соболевским. По поводу первых двух «случайностей» у нас уже говорилось. Речь о третьей «чудесной случайности», как ее характеризует В. И. Стеллецкий, значит, случайности самой разительной, он отнес к концу статьи, рассчитывая, очевидно, тем самым свои возражения против перестановки сделать окончательно неопровержимыми. «Чудесная» эта случайность состоит в том, как думает В. И. Стеллецкий, что спутанные, по догадке